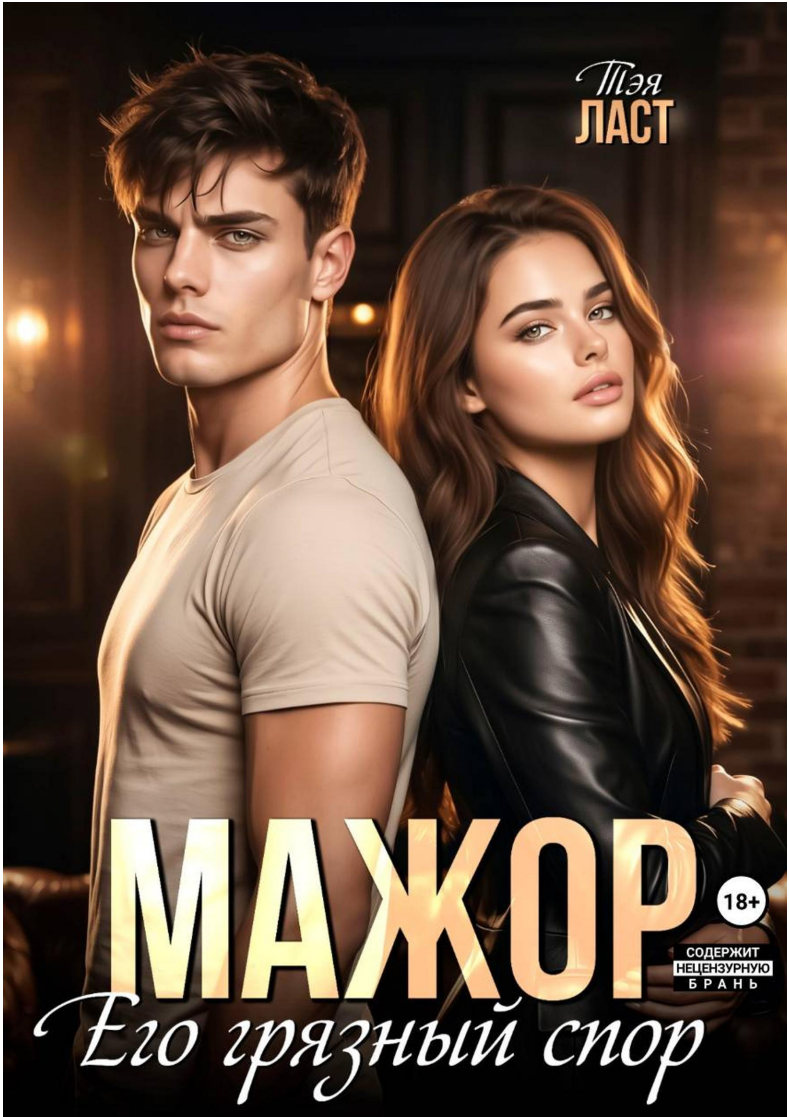
Тэя
ЛАСТ
МАЖОР
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Его грязный спор

Тэя Ласт
Мажор. Его грязный спор

https://litres.ru/74898138
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты ошиблась дверью, Кудрявая, приют для бездомных в другом здании.

— Корону сними, Принц, а то потолок царапает.

Марк Вершинин — элита. Холодный, расчетливый мажор, который привык, что мир вертится вокруг него. Я на спортивной стипендии бью грушу до кровавых костяшек, потому что победа — мой единственный шанс вырвать младшую сестру из ада.

Он попытался отнять мой зал, а я прилюдно растоптала его эго. Но чтобы сохранить место для тренировок, мне пришлось согласиться на его сделку.

Я думала, это просто изощренная месть.

Мы не должны были даже смотреть друг на друга, но ввязались в игру, в которой не может быть выигравших. Мы или потеряем всё, или разобьемся о собственные чувства, только прежними мы уже точно никогда не будем.

Содержание

Глава 1. Яна 4
Глава 2. Яна 11
Глава 3. Яна 18
Глава 4. Яна 25
Глава 5. Яна 32
Глава 6. Яна 38
Глава 7. Яна 44
Глава 8. Яна 49
Глава 9. Яна 54
Глава 10. Яна 60
Г 65
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Тэя Ласт
Мажор. Его грязный спор

Глава 1. Яна

Удар. Выдох. Нырок. Еще удар.

Легкие горят так, словно я вдыхаю битое стекло, а не спертый, пропитанный запахом пота и сырости воздух подвального зала Северного крыла.

— Жестче, Яна! Не гладь лапу, пробивай! — рычит Григорич, принимая мой хук справа.

Отдача бьет по плечевому суставу, отдаваясь тупой болью где-то в лопатке, но я только сильнее сжимаю челюсти.

Влажные кудри липнут к лицу, лезут в глаза и мешают обзору. Смахиваю их тыльной стороной перчатки, не сбавляя темпа.

Шаг в сторону, уклон, двойка.

— Ты на Универсиаду собралась или на утренник в детский сад? — не унимается тренер, отступая на шаг и заставляя меня двигаться за ним. — Эта медаль — твой единственный билет отсюда. Стипендия, спонсорский контракт, нормальная жизнь! Забыла?!

— Не забыла, — хриплю в ответ, проглатывая вязкую слюну.

Вкладываю всю злость, весь свой липкий, сводящий с ума страх в финальную серию.

Двойка, апперкот.

Бью так, словно передо мной не потертые тренерские лапы, а сама жизнь, которая раз за разом пытается уложить меня на лопатки.

Страх — это то, о чем я никогда не говорю вслух. Он живет где-то под ребрами, пульсирует вместе с кровью. Страх того, что у меня не получится, что я сломаюсь, получу травму до соревнований, и тогда всё — конец. Никакого контракта. Никаких денег. Только бесконечный цикл нищеты, из которого мне не выбраться.

Григорич удовлетворенно крякает, опуская руки.

— Ладно. На сегодня всё, — выдыхает он, стирая пот со лба. — Иди в душ, Махеева, и береги руки. Завтра спарринг с тяжеловесами, мне нужны твои рабочие кисти, а не отбивные.

Киваю, тяжело дыша, и бреду в сторону раздевалки.

Она встречает меня гулкой, давящей тишиной и привычным запахом дешевой мази от ушибов. Стягиваю влажную майку, оставаясь в одном спортивном топе. Мышцы ноют, горят огнем, требуя отдыха, но я знаю, что завтра приду сюда снова и буду истязать себя до темноты в глазах.

У меня просто нет другого выбора.

Пальцы дрожат от перенапряжения, когда я стягиваю перчатки и начинаю разматывать влажные бинты, костяшки

сбиты в кровь.

Обычное дело, как моя личная плата за шанс.

Экран телефона, брошенного на обшарпанную деревянную скамейку, загорается.

Видеовызов.

Сердце тут же делает кульбит и тяжело ухает вниз, ударяясь о ребра. Наспех вытираю лицо полотенцем, натягиваю на губы самую широкую, самую фальшивую улыбку, на которую сейчас способна, и жму зеленую кнопку.

— Привет, мышонок.

С экрана на меня смотрят огромные, испуганные серые глаза.

Лёля.

Моя шестилетняя сестра. Моя единственная уязвимость в этом мире, где я привыкла бить первой.

— Яна… — шепчет она, прижимая к груди облезлого плюшевого зайца с оторванным ухом. — А ты скоро приедешь?

Смотрю на нее, а у самой внутри всё узлом завязывается, отчаянно хочется выть. Если опека нагрянет раньше, чем я успею оформить на нее документы… Если они увидят, в каком состоянии квартира, они заберут ее, отправят в детдом, и я потеряю ее навсегда.

Этот страх душит меня каждую ночь, заставляя просыпаться в холодном поту. На заднем фоне раздается грохот падающей посуды и пьяный, визгливый смех матери.

Лёля вздрагивает, вжимая голову в худенькие плечи, и глаза ее моментально наполняются слезами.

Закрываю глаза на секунду, делаю глубокий, судорожный вдох.

— Потерпи, маленькая. Совсем недолго осталось, — мой голос звучит обманчиво ровно, хотя ногти свободной руки впиваются в ладонь. — Я выиграю этот турнир, подпишу контракт и сразу заберу тебя. Слышишь? Мы снимем квартиру. Только ты и я.

— Обещаешь? — она шмыгает носом, прижимаясь щекой к экрану телефона.

— Железно, мышонок.

Мы болтаем еще пару минут, где я пытаюсь ее развеселить, а потом я сбрасываю вызов, потому что больше не могу держать лицо.

Оседаю на скамейку, упираясь локтями в колени, и прячу лицо в ладонях.

Я должна выиграть. Я не позволю, чтобы она прошла через то же, через что прошла я.

Тру кожу на шее, пытаясь успокоить тревогу, которая накатывает удушливой, темной волной.

Мне нужно дышать, нужно просто продолжать пахать.

Дверь раздевалки со скрипом приоткрывается.

Резко вскидываю голову, стирая непрошеные эмоции, я не привыкла показывать слабость.

Никому и никогда, даже стоящему на пороге Григоричу.

Смотрю на него, замечая, что он выглядит так, словно его только что отправили в глубокий, беспросветный нокаут.

— Что стряслось? — спрашиваю, чувствуя, как внутри расползается липкий, мерзкий холод.

Он проводит тяжелой, мозолистой рукой по лицу.

— Всё, Ян. Приплыли.

— В смысле? — хмурю брови, поднимаясь со скамейки. — Что значит приплыли?

— Ректорат только что прислал бумагу, — он сглатывает, и это движение кадыка пугает меня больше всего на свете. — Наше Северное крыло передают студсовету под их нужды.

Слова доходят не сразу, они вязнут в мозгу, как в густом болоте. А когда доходят — мир буквально уходит из-под ног.

— Как передают? — делаю шаг к нему, чувствуя, как паника ледяными тисками сжимает горло. — А мы? А тренировки? Универсиада через полтора месяца! Григорич, мне нельзя без зала…

— Зал закрывают, Махеева. У нас есть ровно неделя, чтобы освободить помещение.

— Да вы издеваетесь?! — взрываюсь я, всплескивая руками.

Мой страх моментально трансформируется в слепую, обжигающую ярость.

— Какой, к черту, студсовет? Зачем им наш подвал?

— У них скоро этот их…Благотворительный Бал, — тренер морщится. — Им нужно помещение под склад декора-

ций, и под зону для своих.

— Склад декораций? — переспрашиваю, чеканя каждое слово.

Мой единственный шанс на спасение сестры. Моя стипендия, моя жизнь — они отбирают всё это, чтобы хранить здесь свои гребаные гирлянды?!

— Я пытался спорить, Яна. Но ты же знаешь, кто там рулит. Это золотые дети спонсоров в студсовете…они неприкасаемые.

— Дайте бумагу, — протягиваю руку, чувствуя, как внутри всё вибрирует.

Выхватываю смятый лист, в самом низу красуется размашистая, наглая подпись.

Глава студенческого совета: Марк Вершинин.

Вершинин. Местный Принц. Тот самый лощеный ублюдок, который решает судьбы людей, даже не вникая в их проблемы.

Сминаю бумагу в кулаке, слыша скрип собственных зубов.

— Яна, успокойся, — пытается осадить меня тренер. — Мы найдем другой зал…

— Нет, — отрезаю я, стягивая с крючка свою потертую косуху. — Никуда мы не поедем.

Накидываю куртку прямо на спортивный топ. Прячу окровавленные руки в карманы и разворачиваюсь к выходу. В груди полыхает такой пожар, что, кажется, я могу спалить дотла весь их элитный корпус.

— Я скоро вернусь, — бросаю тренеру через плечо. — Пойду объясню этому Принцу, что он ошибся дверью.

Наша Яна

Глава 2. Яна

Ветер бьет в лицо, забираясь под распахнутую косуху, но я даже не ежусь. Внутри меня пульсирует дикая смесь из ненависти и того самого первобытного страха, который я отчаянно пытаюсь заглушить злостью.

Шагаю по вымощенной плиткой аллее, разделяющей два мира. Позади остается Северное крыло, а впереди возвышается Главный корпус — обитель элиты и тех, кто привык получать всё на блюдечке.

Сжимаю кулаки в карманах, костяшки саднят, но эта физическая боль отрезвляет. Если я сейчас не отстою зал, я потеряю Лёлю.

Эта мысль бьет по вискам набатом.

— Эй! — раздается голос откуда-то сбоку.

Торможу, резко поворачивая голову, по ступеням спускается Михайлов. Один из тех немногих, кого я могу считать за человека в МВШС. В своих старых конверсах и потертой куртке, он выглядит так же неуместно на фоне Главного корпуса, как и я.

— Ты чего несешься как танк? — парень равняется со мной, окидывая меня внимательным взглядом: — И почему ты в одном топе? Заболеешь же.

— Не до этого, — бросаю я, возобновляя шаг.

Он тоже на стипендии, и бывает мы перекидываемся па-

рой фраз.

— Что случилось? На тебе лица нет.

Сглатываю вязкую слюну.

— Студсовет случился, — цежу сквозь зубы, ускоряя шаг: — Эти зажравшиеся ублюдки решили закрыть наш зал.

— В смысле закрыть? — он хмурится, едва поспевая за мной: — Перед Универсиадой?

— Именно. Им, видите ли, нужно место под хранение для Бала. И этот их главный…Вершинин. Он лично подписал приказ, а я сейчас иду выбивать из него эту дурь.

Михайлов резко хватает меня за рукав косухи, заставляя остановиться прямо перед огромными стеклянными дверьми.

— Яна, тормози, — он смотрит на меня абсолютно серьезно: — С ним так нельзя, они здесь короли, они не решают вопросы на кулаках. Он тебя просто уничтожит, вышвырнет из академии, и ты даже пискнуть не успеешь.

— Пусть попробует, — вырываю руку, хотя внутри снова скребется этот чертов липкий страх.

Леша прав, мне есть что терять. Всем есть что терять.

— Яна, пожалуйста… — он пытается заглянуть мне в глаза: — Давай я попробую узнать через деканат? Может, можно как-то изменить решение…

— Нет, Леш, я сама…деканат тем более не поможет, если в деле королевские сынки…

Разворачиваюсь и толкаю тяжелую стеклянную дверь.

Воздух внутри Главного корпуса разительно отличается от нашего. Здесь пахнет дорогим парфюмом и деньгами, студенты в брендовых шмотках оборачиваются, провожая меня брезгливыми взглядами.

Поднимаюсь на третий этаж, где базируется студсовет, даже не думаю стучать в двойные двери из темного дерева. Толкаю ее с такой силой, что ручка с грохотом ударяется о стену.

В просторном, залитом светом кабинете повисает гробовая тишина.

Несколько парней с макбуками замирают, но я вижу только его.

Марк Вершинин сидит во главе огромного дубового стола.

Идеально белая рубашка с небрежно расстегнутым воротом, а волосы уложены волосок к волоску.

Он медленно, с убийственным спокойствием отрывает взгляд от экрана планшета и переводит его на меня.

Глаза цвета жухлой травы, холодные, пустые и надменные.

— Кто из вас Вершинин? — хриплю я, хотя прекрасно знаю ответ.

Моя грудная клетка ходит ходуном, а он откидывается на спинку кожаного кресла, скрещивает руки на груди.

— Смотря кто спрашивает, — чеканит он каждое слово, обдавая меня таким холодом, от которого по спине бежит предательская дрожь.

Неправильно реагировать, неправильно даже придавать значение этой пригвождающей энергетике.

Делаю тяжелый шаг вперед, прямо к его столу.

— Ты ошиблась дверью, Кудрявая, — его голос звучит низко, с легкой, издевательской хрипотцой: — Приют для бездомных в другом здании. Выход там же, где и вход.

Поджимаю губы, делая глубокий вдох.

Меня трясет.

От злости, от страха потерять всё, от того, как этот пижон смотрит на меня — как на мусор.

— А ты, я смотрю, местный Принц? — останавливаюсь напротив него, упираясь руками в край его стола: — Корону сними, потолок царапает.

Кто-то из его свиты возмущенно ахает.

— Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь? — подает голос какой-то прилизанный хлыщ справа от него.

Даже не смотрю в его сторону, мой взгляд прикован к Вершинину.

— Я разговариваю с зажравшимся мажором, — резко вытаскиваю руки из карманов.

Стягиваю с правой руки грязный бинт и швыряю его прямо на его идеально ровные документы, следом летит смятый приказ о выселении.

— Ты решил, что можешь просто так взять и закрыть наш зал? — шиплю я, наклоняясь к нему ближе: — Ради склада для своих гребаных скатертей?!

Он брезгливо, двумя пальцами, отодвигает мой бинт.

— Я оптимизирую пространство академии, — ровным голосом отвечает он: — Ваш подвал не приносит пользы, вы не рентабельны.

— Не рентабельны? — издаю короткий, злой смешок: — Мы приносим академии медали! Мы пашем там каждый день до темноты в глазах, пока вы здесь просиживаете свои дорогие штаны!

— Мне плевать на ваши медали, Кудрявая, — он чуть подается вперед, и я чувствую запах его парфюма, что-то терпкое, смешанное с морозной свежестью. — Решение принято. Через неделю вас там не будет, а теперь забрала свой мусор и пошла вон. Пока я не лишил тебя стипендии.

Слово «стипендия» бьет под дых. Мой главный страх материализуется прямо здесь, в его ледяных глазах. Мы оба рвано дышим, прожигаем друг друга ненавистью.

В этой системе у меня нет шансов, но я не доставлю ему удовольствия увидеть мои слезы.

— Подавись своим залом, Принцесса, — шепчу я: — Только запомни одну вещь. Ты можешь купить здесь всё, но ты как был пустым, пластмассовым Кеном, который ничего в этой жизни не добился сам, так им и останешься. Вся твоя власть — это просто деньги твоего папочки.

Разворачиваюсь на пятках.

— Пусть идет, — приказывает Вершинин в спину.

Выхожу, с силой захлопывая за собой дверь, грохот эхом

разносится по коридору.

Только оказавшись на лестнице, я окончательно ломаюсь, ноги становятся ватными. Оседаю прямо на ступени, прижимаясь лбом к холодным перилам.

Достаю телефон, на заставке улыбается Лёля, закрываю глаза и беззвучно вою про себя, кусая костяшку пальца.

Я не сдамся, я обязательно найду выход.

Марк Вершинин

Глава 3. Яна

Холод бетонных ступеней пробирается сквозь тонкую ткань спортивного топа, но я почти этого не замечаю.

В ушах стоит гулкий, ритмичный шум собственной крови.

Сжимаю голову руками, зарываясь пальцами во влажные кудри, и тяну их у корней, надеясь, что физическая боль перекроет ту панику, которая сейчас разъедает меня изнутри кислотой.

Идиотка. Какая же я идиотка, нужно было проглотить гордость, нужно было найти Ульяну, попросить ее поговорить с Гордеевым, умолять, договариваться…

А я просто вломилась туда и вылила на Вершинина ведро помоев. Я сама, своими собственными руками, только что заколотила последний гвоздь в крышку гроба своей спортивной карьеры…и будущего Лёли.

От этой мысли горло перехватывает спазмом, дышать становится физически больно.

Скрип тяжелой дубовой двери этажом выше раздается как выстрел.

Слышу шаги, не суетливую беготню первокурсников и не цоканье каблуков, а твердый, размеренный шаг человека, который никуда не торопится, потому что знает: мир подождет.

Опускаю руки от лица и медленно поднимаю голову.

Вершинин спускается по лестнице, один. Без своей веч-

ной свиты прихлебателей.

Он останавливается на пролет выше меня, возвышается, как гребаная статуя безупречности в своей идеальной рубашке и джинсах.

Засовывает одну руку в карман, а другой медленно поправляет манжету рубашки. На его запястье тускло блестит циферблат часов, которые стоят больше, чем моя жизнь и мои почки вместе взятые.

Мы смотрим друг на друга сквозь полумрак лестничной клетки. Воздух между нами мгновенно становится тяжелым и густым, кажется, чиркни сейчас спичкой — и всё здесь взлетит на воздух.

— Уже оплакиваешь свою стипендию, Кудрявая? — его голос звучит тихо, но от этой обманчивой мягкости по спине бежит мороз.

Сглатываю вязкий ком в горле, заставляю себя подняться на ноги, потому что сидеть перед ним на корточках, снизу вверх глядя в эти пустые глаза — выше моих сил.

Мои колени слегка дрожат от переизбытка адреналина, но я выпрямляю спину, вздергивая подбородок.

— Пришел добить? — хриплю я: — Давай. Вызывай охрану, выписывай приказ об отчислении. Что вы там обычно делаете с теми, кто не целует вам ноги?

Эта Принцесса не меняется в лице, ни один мускул не дрогает на его лице, но в глазах на секунду вспыхивает что-то темное, опасное.

Он делает шаг вниз. Потом еще один. Спускается ко мне, сокращая дистанцию до критической.

Я инстинктивно вжимаюсь лопатками в холодную стену. Вершинин останавливается так близко, что я снова чувствую его запах.

— Ты слишком много о себе думаешь, — он склоняет голову набок, скользя взглядом по моему лицу, задерживаясь на разбитой губе, а затем опускаясь ниже, к тяжело вздымающейся грудной клетке.. — Отчислить тебя — это слишком скучно… И слишком просто.

— А ты любишь сложности?

— Я люблю, когда вещи находятся на своих местах, — он поднимает руку и неожиданно упирается ладонью в стену прямо над моим плечом, отрезая мне путь к отступлению. — Ты вломилась в мой кабинет, оскорбила меня при моих людях, испортила мое имущество своей… — он брезгливо косится на мои окровавленные бинты: — грязью. За такое в моем мире выставляют счет.

Мое дыхание сбивается, я смотрю на его длинные пальцы с ухоженными ногтями, которые сейчас находятся в миллиметре от моей голой кожи. Меня трясет от того, насколько он близко, и от того, насколько я сейчас уязвима.

— У меня нет денег, Вершинин. Так что счет можешь засунуть себе…

— Заткнись, — ровно обрывает он, и в его голосе звучит такая сталь, что я невольно замолкаю. — Я не закончил.

Он наклоняется еще ближе, его губы оказываются почти у моего виска. Меня обдает жаром его дыхания, и мелкие волоски на руках встают дыбом. Тело предает меня, реагируя на эту близость какой-то животной паникой.

— Ты сказала, что я ничего не добился сам, — тихо, почти интимно произносит он, и от этого тона у меня мурашки бегут по позвоночнику. — Что я пустой, пластмассовый Кен. Ты бросила мне вызов, Кудрявая, и я его принимаю.

Резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и наши лица оказываются в непозволительной близости. Я вижу каждую крапинку в его зелено-серых радужках, вижу темный ободок вокруг зрачка.

— Что тебе нужно? — шепчу я, потому что на нормальный голос не хватает воздуха.

— Сделка, — Вершинин не отодвигается.

Его взгляд скользит по моим губам и снова возвращается к глазам. — Твоя секция освобождает зал…Официально. По бумагам вы съезжаете, но я могу придержать ключи от подвала у себя и разрешить тебе приходить туда по ночам. Никто не узнает, ты сможешь готовиться к своей Универсиаде.

Сердце делает сумасшедший кульбит и замирает где-то в горле.

Смогу тренироваться, зал останется моим.

Лёля… шанс забрать Лёлю снова становится реальным.

Но я выросла почти на улице, я знаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. А мне сейчас этот сыр предла-

гает дьявол во плоти.

— Взамен на что? — спрашиваю, чувствуя, как пересыхает во рту.

Вершинин медленно, издевательски медленно растягивает губы в улыбке. В ней нет ни грамма тепла, только холодный, расчетливый триумф хищника, который загнал жертву в угол.

— Взамен на твое время…и твое присутствие, — чеканит он, делая еще один неуловимый шаг ко мне.

Теперь нас разделяют жалкие сантиметры.

— До Благотворительного Бала остался ровно месяц. И этот месяц ты будешь моей личной помощницей по организации.

— Помощницей? Я ничего не смыслю в ваших балах…

— А тебе и не нужно смыслить, — обрывает он, скользя взглядом по моей шее. — Тебе нужно быть рядом. Ты будешь сопровождать меня на все встречи с подрядчиками, будешь присутствовать на собраниях. Будешь ездить со мной туда, куда я скажу, и тогда, когда я скажу. Ты войдешь в мой мир, Кудрявая, и будешь играть по моим правилам.

Смотрю на него, не веря своим ушам.

— Зачем тебе это? — выдыхаю я, пытаясь оттолкнуть его, но он стоит как влитой. — Хочешь сделать из меня ручную собачку на потеху своим друзьям?

— Я хочу, чтобы ты поняла, как сильно ошибалась на мой счет, — его голос падает до хриплого шепота, от которого по

моей коже бежит предательская дрожь. — Одно твое кривое слово на публике, одна попытка сбежать — и сделка аннулируется. Вылетишь из академии быстрее, чем успеешь собрать свои вонючие бинты. Но если продержишься месяц и будешь хорошей девочкой…в ночь после благотворительного вечера я отдам тебе ключи от зала навсегда. И подпишу у ректора бумагу о том, что Северное крыло остается за вами.

Он отстраняется, убирая руку от стены, и засовывает ее обратно в карман. Кислород снова поступает в мои легкие, но теперь он кажется отравленным.

— Решай, Кудрявая, — принц смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах плещется абсолютная уверенность в своей победе. — Твоя гордость или твой зал? Время пошло.

Меня тошнит.

Меня физически выворачивает от осознания того, что он делает. Он хочет унизить меня, хочет растоптать, показать мне мое место, заставив прислуживать ему на глазах у всей этой элитной тусовки.

Это социальное самоубийство, натуральная пытка.

Но перед глазами вспыхивает заплаканное лицо Лёли и звучит пьяный смех матери на фоне.

«Обещаешь?» — «Железно, мышонок».

Закрываю глаза и глубоко вдыхаю этот проклятый запах дорогого парфюма.

Я не могу позволить себе гордость. Гордость — это роскошь для тех, у кого есть пути к отступлению, у меня их нет.

Открываю глаза и смотрю прямо в ледяные радужки Вершинина.

— Я согласна, — мой голос звучит глухо, словно из-под толщи воды.

Он, конечно, не выглядит удивленным, лишь едва заметно кивает, принимая мою капитуляцию.

— Завтра в восемь утра в моем кабинете, — бросает он, разворачиваясь к лестнице: — Опоздаешь хоть на минуту — сделка расторгнута.

— Вершинин, — окликаю я его в спину, он останавливается, но не оборачивается.

— Ты думаешь, что сломаешь меня, — цежу сквозь зубы, чувствуя, как внутри снова разгорается злость, вытесняя липкий страх. — Но ты подавишься.

В ответ через плечо он бросает на меня короткий взгляд с кривой усмешкой.

— Посмотрим, Кудрявая. Посмотрим.

Вершинин спускается вниз, оставляя меня одну в гулкой тишине лестничной клетки. Я оседаю на ступени, прижимаясь горячим лбом к холодным металлическим перилам.

Я только что продала душу дьяволу, но самое страшное — я совершенно не представляю, как мне выжить в его аду ближайший месяц.

Глава 4. Яна

Семь часов пятьдесят пять минут.

Смотрю на экран телефона с треснутым защитным стеклом, стоя перед массивными дубовыми дверями кабинета студсовета.

Внутри всё сжимается в тугой, болезненный узел.

Я почти не спала этой ночью, ворочалась на узкой кровати в общаге, прокручивая в голове его ледяной взгляд и эту дьявольскую сделку.

Месяц. Тридцать гребаных дней в роли его личной тени.

Делаю глубокий, судорожный вдох, воздух в Главном корпусе всё так же пахнет чужими деньгами и моим собственным унижением.

Сжимаю челюсти, толкаю дверь и переступаю порог.

В кабинете пусто, ни свиты, ни прихлебателей с макбуками.

Только он.

Сидит за своим идеальным столом. Сегодня на нем, казалось бы, обычная футболка, если бы не маленький брендовый логотип на правой стороне.

Волосы уложены с той небрежной идеальностью, на которую парни вроде него тратят больше времени, чем я на тренировки.

Он не поднимает головы, лишь медленно, с убийственным

спокойствием перелистывает какой-то документ.

— Семь пятьдесят восемь, — его голос разрезает тишину кабинета, заставляя мелкие волоски на моих руках встать дыбом. — Еще две минуты, Кудрявая, и твои вещи полетели бы на улицу вместе с твоим тренером.

— Я пунктуальна, — чеканю я, останавливаясь в паре метров от его стола. — Что дальше? Дашь мне швабру? Или прикажешь перебирать твои бумажки?

Он наконец отрывает взгляд от стола, глаза травяного цвета проходятся по мне с таким откровенным, препарирующим пренебрежением, что мне хочется закрыться руками.

Он сканирует мою потертую косуху, старую черную футболку, выцветшие джинсы и сбитые носы кроссовок.

Вижу, как едва заметно дергается уголок его губ.

— Швабра — это слишком примитивно, — он неспеша поднимается с кресла, отодвигая его: — Мы едем на встречу с подрядчиком благотворительного вечера, будем утверждать смету на свет и флористику.

Я смотрю на него, как на сумасшедшего.

— Я? На встречу с подрядчиком? Вершинин, я в ваших гирляндах и цветах понимаю столько же, сколько ты — в хуках слева. Зачем я там нужна?

Он обходит стол, медленно приближаясь ко мне.

Шаг. Еще один.

Мое тело мгновенно реагирует на его приближение, пульс учащается, ударяясь о ребра, а дыхание становится поверх-

ностным.

Ненавижу эту реакцию. Ненавижу то, как он заполняет собой всё пространство, не оставляя мне воздуха.

— Затем, что таковы условия сделки, — останавливается он в метре от меня.

В нос тут же ударяет его парфюм, терпкий, древесный, с нотками морозной свежести.

— Ты моя помощница. Твоя задача — присутствовать, молчать и записывать всё, что я скажу.

Он снова окидывает меня взглядом, на этот раз задерживаясь на моих руках, спрятанных в карманы косухи.

— Но есть проблема, — его голос падает на полтона ниже: — В таком виде я тебя в свою машину не посажу.

Мгновенно, словно вспышка молнии я завожусь.

— А что не так с моим видом?! — выдергиваю руки из карманов, сжимая кулаки.

Саднящие костяшки обмотаны свежим бинтом, но это не скрывает их уродливости.

— Боишься, что моя нищета запачкает твои кожаные сиденья?

Вершинин даже не моргает, смотрит на меня сверху вниз с абсолютно непробиваемым выражением лица.

— Я боюсь, что подрядчики решат, будто академия начала нанимать на работу бездомных, — ровно отвечает он, и каждое его слово бьет меня наотмашь. — Но раз у тебя нет другой одежды…пусть смотрят. Пусть видят, как выглядит

благотворительность в моем исполнении.

Слова вводят в замешательство и обижают так сильно, что на секунду даже у меня перехватывает дыхание.

Я бы сейчас сказала, что он перегнул. Сильно. Очень.

Отчаянно хочется развернуться и уйти, послать его к черту вместе с его чертовым фальшивым балом, машиной и сделкой.

Только перед глазами тут же всплывает лицо Оли.

«Я заберу тебя. Железно».

Проглатываю ком в горле, вскидываю подбородок, глядя прямо в его холодные глаза.

— Что ж, Принц, веди нищенку, — цежу сквозь зубы: — Только смотри, чтобы твоя благотворительность не испачкала тебе корону.

В ответ он усмехается одними уголками губ, коротко, даже зло.

Мы спускаемся на парковку Главного корпуса, студенты, попадающиеся нам навстречу, сворачивают шеи.

Еще бы.

Идеальный, неприкасаемый Марк Вершинин и я — квотница из подвала с разбитыми руками.

Мы выглядим прямо как неудачная шутка.

Черный, хищный Порше Панамэра блестит на солнце так, словно его только что выгнали из салона.

— Садись, — кивает на пассажирское сиденье, снимая машину с сигнализации: — И ничего не трогай.

Молча дергаю ручку и падаю в глубокое кожаное кресло. Здесь пахнет новой кожей и тем самым его парфюмом, запах настолько густой и обволакивающий, что у меня начинает кружиться голова.

Я намеренно провожу руками по торпеде, касаюсь маленького экрана, акт принципиального непослушания. Пусть и почти незаметный для него.

Дверь с водительской стороны открывается, и Вершинин садится за руль.

Салон машины, несмотря на свои размеры, внезапно кажется катастрофически тесным.

Мы оказываемся непозволительно близко друг к другу. Я могу рассмотреть идеальную линию его профиля, могу увидеть, как напрягается ткань футболки на его плечах.

Вжимаюсь в свою дверцу, стараясь стать как можно меньше, а он заводит двигатель и салон наполняется тихим, мощным рычанием.

— Ремень, Кудрявая.

— Я сама, — огрызаюсь я, дергая ленту ремня безопасности, но она, как назло, заедает.

Дергаю еще раз. Сильнее. Никакого результата.

— Убери руки.

Прежде чем я успеваю возмутиться, он наклоняется ко мне и мир вокруг замирает.

Он нависает надо мной, вторгаясь в мое личное пространство так резко, что я забываю, как дышать. Его грудь оказы-

вается в миллиметрах от моего лица. Я чувствую исходящий от него жар.

Пульс срывается на бешеный галоп, отдаваясь в ушах.

Он не смотрит на меня, его взгляд сосредоточен на ремне. Я вижу, как он плавно тянет ленту, и его длинные, ухоженные пальцы случайно скользят по моему бедру, когда он вставляет заглушку в замок.

От этого мимолетного касания меня прошибает током. Я вздрагиваю, вжимаясь в сиденье.

Щелчок замка звучит в тишине салона как выстрел.

Вершинин замирает, не отодвигается, медленно поворачивает голову, и наши лица оказываются так близко, что мы дышим одним воздухом.

Я вижу, как темнеют его глаза, как его взгляд падает на мои губы, а затем снова поднимается к глазам.

Он слышит мое сбитое дыхание. Он точно знает, как действует на девушек, и от этого осознания мне хочется провалиться сквозь землю.

— Дыши, Махеева, — хрипло произносит он, и в его голосе слышится темная, издевательская усмешка: — Я тебя не съем. Пока что.

Плавно этот бесячий мажор возвращается на свое место, переключает коробку передач, и машина срывается с места.

А я отворачиваюсь к окну, прижимаясь горячим лбом к прохладному стеклу.

Мои руки дрожат.

Я думала, что самое страшное — это потерять зал. Но сейчас, запертая в этой машине, вдыхая его запах, я с ужасом понимаю: самое страшное — игра только началась, а я уже чувствую, что проигрываю.

Глава 5. Яна

Порше плавно тормозит у панорамных окон ресторана в центре Москвы.

Одно из тех мест, где швейцар на входе одет лучше, чем я за всю свою жизнь.

Вершинин глушит двигатель.

— Выходи, — бросает он, даже не глядя в мою сторону.

Отстегиваю ремень, с силой толкая тяжелую дверцу, воздух на улице раскаленный, но меня почему-то знобит.

Одергиваю свою потертую косуху.

Я прекрасно понимаю, как выгляжу на фоне Вершинина с его идеальным видом даже в обычной футболке и накинутым пиджаком сверху.

Грязное пятно.

Но вместо того, чтобы сжаться, я упрямо вскидываю подбородок. Пусть смотрят, я ни перед кем здесь пресмыкаться не собираюсь.

Мы заходим внутрь.

Прохлада бьет в лицо, смешиваясь с запахом дорогих духов и фальши. Хостес, высокая блондинка, при виде этого принца буквально растекается лужицей, но когда ее взгляд мажет по моим сбитым конверсам, ее лицо каменеет.

— Ваш столик готов, Марк Эдуардович.

Нас провожают в VIP-зону, там уже сидят двое мужчин.

Один из них, грузный, с лоснящейся лысиной, тут же вскакивает, расплываясь в заискивающей улыбке.

— Марк Эдуардович! Рады вас видеть, — он тянет руку.

— Добрый день, Виктор, — Вершинин отвечает на рукопожатие так холодно, что я почти слышу хруст льда. — Надеюсь, вы привезли обновленные сметы. Прошлый вариант — это издевательство над бюджетом и моим временем.

Он садится в кресло, небрежным жестом указывая мне на место рядом с собой. Молча падаю на мягкую обивку, достаю блокнот и ручку, как мы и договаривались.

Подрядчик переводит взгляд на меня, его брови ползут вверх.

— А это… — он пренебрежительно кривит губы: — Ваша новая прислуга? Девушка, лучше принесите нам кофе, а то сидите тут в своей куртке, только аппетит портите.

Мои пальцы мертвой хваткой сжимают дешевую пластиковую ручку.

Внутри моментально вспыхивает слепая, обжигающая ярость, я не умею мило улыбаться, когда об меня вытирают ноги.

Медленно, очень медленно кладу ручку на стол. Подаюсь вперед, опираясь локтями о столешницу, и смотрю прямо в заплывшие глазки этого ублюдка.

— Если я встану, — начинаю ровным, обманчиво спокойным голосом, от которого у меня самой вибрируют связки: — Вы не только останетесь без кофе, вы останетесь без пары

передних зубов. И поверьте, аппетит у вас пропадет надолго.

Мужик давится воздухом и его лицо покрывается красными пятнами.

— Да ты… Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь?! Марк Эдуардович, что это за хамка?!

Я жду, что Вершинин сейчас взорвется, что вышвырнет меня отсюда за срыв сделки.

Но этот несносный гад даже не меняется в лице.

Он медленно поворачивает голову, и его глаза впиваются в подрядчика с такой уничтожающей силой, что мужик инстинктивно вжимается в спинку кресла.

— Она не приносит кофе, — чеканит Вершинин каждое слово, и от этого тона у меня мурашки бегут по позвоночнику. — Она фиксирует, как вы пытаетесь провести меня со сметами. И если вы еще раз откроете рот в ее адрес… вы не просто потеряете этот контракт. Вы вообще больше ни одного контракта в этом городе неполучите. Я лично об этом позабочусь.

В ресторане повисает звенящая, мертвая тишина, я сижу, перестав дышать.

Подрядчик судорожно сглатывает, бормоча какие-то жалкие извинения, дрожащими руками сгребает свои документы и обещает всё пересчитать.

Ровно через минуту мы остаемся за столом одни, резко выдыхаю, чувствуя, как адреналин медленно отпускает мышцы.

Перевожу взгляд на Вершинина, он невозмутимо листает меню, словно только что не уничтожил человека одним предложением.

— Я бы сама ему ответила, — выдавливаю я, потому что эта его «защита» душит меня хуже удавки.

Принц захлопывает меню и бросает его на стол, потом внезапно подается ко мне.

Слишком близко.

Я инстинктивно вжимаюсь в кресло, но он перехватывает подлокотник, блокируя меня.

Его лицо оказывается в непозволительной близости от моего. Я вижу каждую крапинку в его зеленых радужках, чувствую чертов запах его парфюма, который проникает прямо под кожу, заставляя сердце биться о ребра с такой силой, что становится больно.

— Ты здесь не для того, чтобы бить морды моим подрядчикам, Кудрявая, — его голос падает до хриплого, вибрирующего шепота. — Ты здесь, потому что ты принадлежишь мне.

— Я не твоя вещь, Вершинин, — шиплю в ответ, глядя прямо в его глаза.

Отчаянно пытаюсь скрыть, как сильно меня трясет от этой близости, от этой пригвождающей энергетики, которая ломает мою волю.

— Ошибаешься, — он склоняет голову чуть набок, его взгляд медленно, почти осязаемо скользит по моим губам,

а затем возвращается к глазам. — На этот месяц ты моя и никто не имеет права открывать на тебя рот. Никто. Кроме меня.

Слова бьют в грудь, в них столько извращенной уверенности, что у меня пересыхает во рту. Я должна ответить, оттолкнуть…но вместо этого мы прожигаем друг друга искрящей ненавистью.

В мозгу отчаянно бьется желание ударить его, стереть эту надменную ухмылку с его идеального лица. Но вместо этого я просто рвано дышу, глядя на то, как едва заметно дергается кадык на его шее.

Он тоже это чувствует…какое-то больное, искрящееся напряжение между нами, от которого плавится воздух.

— Отодвинься, — шепчу я, потому что голос предательски садится.

Вершинин не двигается, его взгляд темнеет.

— А то что? — издевательски тянет он: — Ударишь меня, Дикарка?

— Не сомневайся.

Он усмехается. Коротко, даже зло.

Медленно, словно нехотя, отстраняется, возвращая мне возможность дышать, и воздух в мои легкие поступает с обжигающей болью.

— Нам еще нужно заехать в одно место, — как ни в чем не бывало, бросает он, отворачиваясь к подошедшему официанту.

Тру кожу на шее, пытаясь успокоить пульс.
Я ненавижу его. Ненавижу до дрожи в коленях.

Глава 6. Яна

Плавно машина сворачивает с проспекта и ныряет в подземный паркинг ЦУМа.

Смотрю на мелькающие бетонные колонны, и внутри начинает закипать глухое раздражение.

— Зачем мы здесь? — нарушаю тяжелое молчание, повисшее между нами после ресторана.

Вершинин паркует машину на VIP-месте, глушит мотор и только потом поворачивает ко мне голову.

— Я же сказал, мне нужна помощница, а не пугало, распугивающее подрядчиков.

— Я не буду носить твои шмотки, Вершинин, — чеканю каждое слово, вжимаясь в спинку кожаного сиденья. — В договоре не было ни слова про то, что я должна переодеваться в куклу Барби на потеху твоему эго.

— В договоре было сказано, что ты делаешь то, что я скажу, — его голос звучит обманчиво мягко, но в нем лязгает сталь. — Выходи.

— Нет.

— Махеева…

— Пошел к черту. Я не возьму от тебя ни копейки.

Мы снова сталкиваемся взглядами, воздух в тесном салоне машины моментально густеет.

Этот гад медленно отстегивает свой ремень и поворачи-

вается ко мне всем корпусом.

— Ты думаешь, мне доставляет удовольствие тратить на тебя деньги? — он подается вперед.

Снова это его издевательское вторжение в мое личное пространство.

— Ты портишь мой имидж. Твоя драная куртка и бинты кричат о том, что ты не принадлежишь к моему миру.

— Я и не принадлежу! — выпаливаю я, чувствуя, как грудная клетка ходит ходуном. — И не хочу принадлежать! Ваш мир — это фальшивая, насквозь прогнившая помойка.

— Зато эта помойка может обеспечить твой зал, — бьет он по самому больному.

Метко. Прямо под дых.

— Хочешь сохранить подвал — играй по правилам. Ты выйдешь из этой машины, пойдешь со мной и наденешь то, что я выберу. Или сделка расторгается прямо сейчас.

Сжимаю челюсти так сильно, что начинают ныть корни зубов.

Подонок. Ненавижу.

Резко дергаю ручку двери и выбираюсь из салона, громко хлопая дверью, он же выходит следом, на ходу блокируя машину.

На его губах играет легкая, снисходительная полуулыбка победителя.

Так бы и врезала.

Мы поднимаемся на лифте на второй этаж, вокруг свер-

кают витрины брендов, названия которых я видела только на страницах журналов, которые иногда валялись на общей кухне в общаге.

Вершинин уверенным шагом заходит в один из бутиков, консультанты тут же слетаются к нему, как пчелы на мед.

— Добрый день! Чем можем помочь?

— Подберите ей гардероб, — он небрежно кивает в мою сторону. — Деловой кэжуал для дневных встреч и что-то подходящее для вечерних мероприятий. Цвета приглушенные, никаких кричащих принтов. И снимите с нее этот кошмар.

Он садится на кожаный диван в центре зала, закидывая ногу на ногу, и достает телефон.

Сотрудницы переводят взгляды на меня, и в их глазах читается смесь жалости и пренебрежения.

— Пройдемте в примерочную, девушка, — щебечет одна из них, стараясь не смотреть на мои сбитые руки.

Следующие полтора часа превращаются в пытку.

Меня заставляют снимать косуху, натягивают на меня шелковые блузки, брючные костюмы, кашемировые водолазки.

Ткани мягкие, дорогие, они скользят по коже, но я чувствую себя в них так, словно меня заковали в смирительную рубашку.

Каждый раз, когда я выхожу из примерочной, Вершинин отрывает взгляд от экрана.

Он не комментирует, просто смотрит.

Его взгляд надменный и оценивающий, скользит по моим ногам, задерживается на талии, поднимается к лицу.

Тело предательски реагирует на его внимание — кожа сама собой покрывается мурашками, а дыхание сбивается.

Я ненавижу то, как он смотрит на меня. И еще больше ненавижу то, что не могу заставить себя отвести глаза.

— Слишком открыто, — бросает он, когда я выхожу в темно-синем платье-футляре. — Унесите.

— Это последняя коллекция…самая… — пытается возразить консультантка.

— Я сказал, унесите.

Он встает с дивана и сам подходит к вешалкам, перебирает плечики и наконец, достает брючный костюм глубокого изумрудного цвета и белую шелковую майку.

— Надень это.

Выхватываю вешалки из его рук, стараясь не коснуться его пальцев, и скрываюсь за шторкой.

Натягиваю брюки, садятся они конечно идеально, облегая бедра. Надеваю майку и накидываю пиджак.

Смотрю на себя в огромное зеркало.

Из зазеркалья на меня смотрит чужая, незнакомая девушка. Волосы всё так же кудрявы и спутаны, а на руках ранки, но в этой одежде я выгляжу…дорого.

Сжимаю кулаки. Это не я. Это его кукла.

Раздвигаю шторку и выхожу в зал, Вершинин стоит в двух

шагах от примерочной.

Его взгляд скользит по мне, и на этот раз в нем нет того холодного расчета. В его зеленых глазах вспыхивает что-то мимолетное и острое.

Он делает медленный шаг ко мне, а я инстинктивно пячусь назад, пока не упираюсь лопатками в край зеркала.

— Подойдет, — хрипло произносит он, останавливаясь вплотную.

— Я переоденусь, — выдавливаю я, пытаясь нырнуть обратно в примерочную, но принц перехватывает мою руку.

Его пальцы смыкаются на моем запястье и меня прошибает током. Я дергаюсь, пытаясь вырваться, но он держит крепко.

— Оставь, — тихо говорит он, глядя мне прямо в глаза. — Тебе идет.

— Отпусти меня, — цежу сквозь зубы.

Мы стоим так близко, что я чувствую жар его тела сквозь тонкий шелк майки.

Его большой палец медленно, почти неосознанно поглаживает мою кожу на запястье. Это мимолетное, почти нежное касание контрастирует с жесткостью его хватки.

Мой пульс бьется как сумасшедший, а он наклоняется чуть ближе.

— Привыкай, Кудрявая, — шепчет он, и от его дыхания на моей щеке волоски встают дыбом. — В моем мире нужно уметь носить не только броню, но и шелк.

Выдергиваю руку с такой силой, что ударяюсь локтем о зеркало.

— Я никогда не стану частью твоего мира, Вершинин.

Он усмехается.

— Ты уже в нем.

Мажор разворачивается и идет к кассе, доставая черную банковскую карту, а я остаюсь стоять у зеркала, тяжело дыша и глядя на свое отражение.

Он купил мне одежду. Но я знаю точно: он пытается купить мою покорность.

Глава 7. Яна

Черный глянцевый капот на фоне обшарпанной кирпичной пятиэтажки нашего общежития выглядит как инопланетный корабль.

Местные курильщики у входа замирают, провожая машину ошарашенными взглядами.

Вершинин паркуется прямо у разбитого бордюра, глушит мотор.

В салоне повисает тяжелая тишина, нарушаемая только тихим гудением кондиционера. На заднем сиденье лежат пакеты с логотипами, стоимость которых превышает бюджет моей семьи за несколько лет.

— Завтра в восемь, — ровно произносит он, глядя прямо перед собой. — И приведи в порядок волосы, ты теперь представляешь студсовет, а не солируешь в панк-группе.

Сжимаю челюсти так, что скрипят зубы, молча дергаю ручку двери, хватаю с заднего сиденья проклятые пакеты и выбираюсь наружу.

Воздух пахнет сыростью и дешевым табаком, но сейчас он кажется мне самым чистым на свете.

Я не оборачиваюсь, даже когда слышу за спиной низкий рык отъезжающего спорткара.

Влетаю в свою пустую комнату на третьем этаже и швыряю пакеты на скрипучую кровать.

Стягиваю с себя изумрудный пиджак так торопливо, словно он пропитан ядом. Шелк майки липнет к взмокшей спине, руки дрожат от злости.

Я чувствую себя грязной, искупавшейся в его деньгах, в его контроле и снисходительном пренебрежении.

Готовлю себе еду на общей кухне, не обращая внимания на то, что здесь еще пара человек.

Пытаясь усмирить своих демонов, наспех перекусываю, и уже знаю, где и как я сброшу всю свою злость.

Я специально жду темноты, как мы и договаривались с Вершининым, чтобы пойти в зал. Поэтому ближе к двум ночи подвал Северного крыла встречает меня гулкой, мертвой тишиной.

Официально зал закрыт, ректорат опечатал здание, но тяжелый металлический ключ, который Вершинин швырнул мне на стол жжет карман моих тренировочных штанов.

Щелкаю выключатель и тусклые лампы под потолком мигают и загораются, выхватывая из мрака ринг и ряды потертых боксерских мешков.

Запах старой кожи, резины и пота ударяет в нос, и я впервые за этот бесконечный день делаю нормальный, глубокий вдох.

Здесь мой мир. Здесь всё честно.

Сажусь на скамейку, достаю из спортивной сумки бинты и начинаю методично, виток за витком, обматывать кисти.

Моя настоящая медитация.

Натягиваю перчатки и подхожу к самому тяжелому мешку.

Удар. Выдох.

Боль в сбитых костяшках простреливает до локтя, но я только сильнее сжимаю зубы.

Двойка. Уклон. Хук справа.

Я бью по мешку, но вижу перед собой его ледяные, серые глаза.

Удар.

«Никто не смеет унижать то, что принадлежит мне».

Удар.

«Привыкай, Кудрявая».

Серия. Еще одна.

Я вкладываю в удары всю свою злость, всё свое бессилие, весь тот липкий, сводящий с ума страх за Лёлю.

Я бью, пока легкие не начинают гореть огнем, пока перед глазами не пляшут черные мушки, а пот не начинает заливать глаза.

Останавливаюсь, тяжело наваливаясь на раскачивающийся мешок, рвано дышу, прижимаясь к нему влажным лбом.

Грудь ходит ходуном.

— Грязная работа ног.

Голос раздается из темноты у входа, низкий и спокойный, с легкой хрипотцой.

Я вздрагиваю так сильно, словно меня ударили током и резко разворачиваюсь, поднимая руки в защитную стойку.

Вершинин стоит, прислонившись плечом к дверному косяку, на нем нет пиджака.

Он в обычном худи, и его рукава закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья.

Он скрещивает руки на груди, наблюдая за мной из полумрака.

Мое сердце делает сумасшедший кульбит и падает куда-то в район желудка.

— Какого черта ты здесь делаешь? — хриплю я, опуская перчатки. — Ты дал мне ключи, сказал, что я могу тренироваться ночью.

— Это мое здание, Кудрявая, — он медленно отталкивается от косяка и делает шаг в полосу света. — Я могу находиться здесь тогда, когда захочу.

— Пришел проверить, не украла ли я твои бесценные гирлянды?

Он игнорирует мой сарказм, идет прямо ко мне.

Его шаги по бетонному полу звучат глухо, но отмеряют пульс в моих висках, этот принц останавливается в двух метрах от меня. Окидывает взглядом мою мокрую от пота футболку, растрепанные волосы, тяжело вздымающуюся грудь.

— Пришел посмотреть, на что я поставил свой зал, — тихо произносит он. — Покажи мне, Дикарка, ради чего ты продала мне свою гордость.

Сжимаю челюсти.

Он хочет шоу? Он его получит.

Разворачиваюсь к мешку, встаю в стойку и бью.

Жестко и хлестко я выбиваю из этого мешка всю ту ненависть, которую испытываю к нему.

Слышу свист воздуха, звук ударов эхом разносится по пустому залу. Я не смотрю на Вершинина, но чувствую его взгляд кожей.

Делаю финальную серию и останавливаюсь, тяжело дыша и убирая прилипшую прядь волос от лица, поворачиваюсь к нему.

— Доволен? — выплевываю я.

Мажор молчит, смотрит на мои руки в перчатках, а затем делает шаг вперед.

Вторгается в мое пространство. Снова.

Он поднимает руку и неожиданно касается моих волос, до конца убирая влажную прядь от лица.

— Доволен, — шепчет он, и его голос звучит так низко, что вибрирует у меня под ребрами. — Но если ты завтра опоздаешь из-за того, что не выспалась… я закрою этот подвал навсегда.

Он убирает руку, разворачивается и уходит в темноту, оставляя меня стоять посреди ринга с бешено колотящимся сердцем и полным непониманием того, что, черт возьми, сейчас произошло.

Глава 8. Яна

Смотрю на свое отражение в треснутом зеркале над раковиной в общей умывальной, и не узнаю себя.

Изумрудный шелк платья струится по коже, а идеально скроенный пиджак, накинутый поверх, подчеркивает линию плеч.

Я выгляжу так, словно всю жизнь ходила по этим их вылизанным коридорам.

Опускаю взгляд ниже.

Из-под дорогих рукавов выглядывают мои кисти, на одной из них свежий спортивный тейп.

Контраст между роскошной тканью и заклеенными в кровь руками выглядит дико, но это мой единственный якорь.

Мое напоминание о том, кто я такая, и ради чего надела этот гребаный ошейник.

Семь часов пятьдесят две минуты.

Толкаю стеклянные двери Главного корпуса.

Если вчера в косухе я вызывала брезгливые смешки, то сегодня коридор затихает. Ловлю на себе откровенно ошарашенные взгляды мажоров, они перешептываются, провожая меня глазами.

Вздергиваю подбородок выше, чеканя шаг.

Пусть смотрят.

Поднимаюсь на третий этаж, и останавливаюсь перед дверьми студсовета.

Еще один взгляд и я открываю их ровно в семь пятьдесят восемь.

В кабинете сегодня не пусто, за длинным столом сидят прихвостни из свиты Вершинина.

Они что-то бурно обсуждают, склонившись над планшетами.

Сам Принц стоит у панорамного окна спиной ко входу, разговаривая по телефону.

На нем черная рубашка, идеально облегающая широкую спину.

— Эм…Михеева? — один из парней осекается на полуслове, поднимая на меня глаза.

Его челюсть буквально отвисает, он скользит взглядом по моим ногам, задерживается на груди, обтянутой шелком, и на его лице появляется сальная, отвратительная ухмылка.

— Ни хрена себе трансформации. Вершинин, ты где такую откопал?

Главный этого цирка мажоров медленно, небрежно сбрасывает вызов и поворачивается.

Его взгляд цвета травы сначала падает на своего подопечного, да так, что ухмылка с лица стирается мгновенно.

— Вышли все, — голос звучит тихо, но от него вибрируют стекла. — Живо.

Мажорчики по одному подрываются с мест, сгребая свои

планшеты, и пулей вылетают из кабинета, стараясь даже не смотреть в мою сторону.

Дверь за ними закрывается с тихим щелчком.

Мы остаемся одни.

Вершинин переводит взгляд на меня.

Он не говорит ни слова, просто смотрит.

И этот взгляд, тяжелый, почти осязаемый, медленно ползет по моему телу.

От ключиц к талии, ниже, по линии бедер, и снова возвращается к лицу.

Воздух в кабинете мгновенно становится густым, мне кажется, я забываю, как дышать.

Наконец, он делает шаг от окна, потом еще один.

Приближается с грацией сытого хищника, пока не останавливается в полуметре от меня.

— Я сказал тебе привести в порядок волосы, — его голос падает до хриплого баритона.

— У меня нет времени на салоны красоты, Вершинин, — чеканю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я отрабатываю сделку, а не снимаюсь для обложки.

Он чуть склоняет голову набок.

— Зато у тебя нашлось время на это, — он кивает на мои руки с белоснежными тейпами. — Решила оставить свой фирменный почерк?

— Это чтобы не забывать, что я могу сломать тебе челюсть, если ты подойдешь еще ближе.

Вершинин издает короткий, низкий смешок.

Вместо того чтобы отступить, он делает еще один шаг, сокращая дистанцию до критической.

В нос ударяет его запах — что-то цитрусовое в этом точно есть.

И мое тело так некстати предает меня: пульс срывается в галоп, а внизу живота стягивается горячий, тяжелый узел.

— Ты забыла одну деталь, Дикарка, — шепчет он.

Поднимает руки, а я инстинктивно дергаюсь назад, но он ловит меня за талию. Его длинные пальцы ложатся на ткань моего пиджака, обжигая сквозь ткань.

— Не трогай меня, — выдыхаю я, упираясь кулаками в его твердую грудь.

— Я просто поправляю воротник, — его губы кривятся в усмешке, но глаза остаются пугающе давящими.

Он медленно, издевательски медленно проводит пальцами по лацканам моего пиджака, разглаживая несуществующие складки.

Каждое его движение — это пытка.

Я чувствую жар его тела, чувствую, как ровно и мощно бьется его сердце под моими кулаками.

Я слежу за его взглядом, наблюдаю, как переводит взгляд на мои губы, и сглатываю вязкую слюну, отчаянно ненавидя себя за то, что мои ноги становятся ватными.

Это неправильно. Это больно. Это сводит с ума.

— Тебе идет мой цвет, Кудрявая, — он наклоняется так

близко, что его губы почти касаются моего уха. — Но если хоть кто-то еще раз посмотрит на тебя так, как сегодня… я вырву им глаза.

От его тона по спине бежит ледяная дрожь, смешанная с диким, неконтролируемым возбуждением.

Собственничество в его голосе — абсолютное, неприкрытое.

— Я сама могу за себя постоять, — хриплю я, отталкивая его от себя.

На этот раз он позволяет мне это сделать.

Отступает на шаг, засовывая руки в карманы брюк, и его лицо снова превращается в непробиваемую маску.

— Посмотрим, — ровно отзывается он. — Бери планшет со стола, идем в актовый зал. Будем утверждать рассадку гостей на Балу. И постарайся не отставать.

Он в одно движение разворачивается и идет к выходу.

Я остаюсь стоять посреди кабинета, судорожно втягивая воздух, который всё еще пахнет им.

Сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони сквозь тейпы.

Месяц.

Господи, если он продолжит в том же духе, я не продержусь и недели. Я либо убью его, либо…

Обрываю эту мысль, не позволяя ей сформироваться до конца. Хватаю планшет и иду следом за своим личным кошмаром.

Глава 9. Яна

Актовый зал Главного корпуса больше похож на гребаный театр.

Лепнина под потолком, тяжелые бархатные портьеры, ряды бордовых кресел, уходящие куда-то во мрак.

Воздух здесь пахнет вековой пылью и чужим превосходством.

Иду за Вершининым по центральному проходу, затем он поднимается на сцену. Бросает кожаную папку на крышку черного рояля, стоящего сбоку, и опирается о полированный край обеими руками.

— Открывай смету, — не глядя на меня, командует он. — Третья страница. Список VIP-зоны.

Запрыгиваю на сцену, игнорируя ступеньки. Встаю рядом с роялем, открываю чертову папку, строчки пестрят фамилиями, половину которых я слышала по старенькому телевизору в общаге, а половина незнакомы.

— Гордеев Игорь Сергеевич, — начинаю зачитывать я, чувствуя, как от этих имен во рту оседает привкус металла. — Стол номер один.

— Дальше.

— Семья Вершининых, стол номер два.

Я монотонно перечисляю эту ярмарку тщеславия, глядя на ровные печатные буквы.

— А где сидит челядь? — не выдерживаю я, захлопывая папку на пятой фамилии с таким звуком, что он эхом отскакивает от пустых стен зала. — Ну, те, ради кого вы якобы устраиваете эту благотворительную показуху? Где-нибудь на галерке? Или вы им вообще билеты не выдаете, чтобы не портили эстетику?

Вершинин медленно поворачивает голову, зеленый цвет его радужек становится непроницаемым.

Он отталкивается от рояля и делает шаг ко мне.

Я не отступаю, вжимаюсь поясницей в холодный полированный бок инструмента, упрямо вздергивая подбородок.

— Ты путаешь благотворительность с социализмом, Михеева, — его голос звучит обманчиво ровно, но в нем скрежещет металл. — Те люди, чьи имена ты сейчас с таким презрением зачитывала, за один вечер оставят здесь сумму, на которую твой подвал можно отстроить с нуля. И покрыть золотом.

Он делает еще один шаг, он не просто вторгается в мое личное пространство, он его уничтожает.

Медленно Вершинин поднимает руки и опирается ладонями о крышку рояля по обе стороны от моих бедер.

— Я не просила золота, — хриплю я, намертво вцепившись пальцами в край папки, чтобы не выдать дрожь. — Я просила просто оставить нас в покое.

— Вы нерентабельны, — он повторяет свою любимую фразу, но сейчас она звучит иначе.

Ближе. Опаснее.

Он наклоняется, жар его тела прошибает меня сквозь тонкий шелк майки. Я чувствую, как тяжело и ритмично двигается его грудная клетка, а мои легкие отказываются работать, перекрывая доступ кислороду.

— Ты так ненавидишь этот список, — Принц скользит взглядом по моей шее, задерживаясь там, где бешено колотится вена. — Ненавидишь эти деньги, но посмотри на себя.

Костяшкой указательного пальца медленно, почти невесомо он проводит по лацкану изумрудного пиджака.

Фантомный ожог вспыхивает ровно в том месте, где он касается ткани.

— Тебе нравится, как это сидит на тебе, — шепчет он, и его дыхание опаляет мою скулу. — Тебе нравится, что сегодня в коридоре на тебя смотрели не как на мусор.

— Пошел ты, Вершинин!

— Твое тело говорит другое, Дикарка.

Резко он перехватывает мою руку, сжимает запястье не больно, но так крепко, что вырваться невозможно.

Его большой палец ложится прямо на пульс.

Я замираю, мое сердце бьется под его кожей с такой отчаянной скоростью, что это невозможно скрыть.

А этот гад усмехается, уголок его губ ползет вверх, обнажая жестокую, торжествующую правду.

Он все видит.

— Отпусти, — цежу сквозь зубы, чувствуя, как к горлу

подкатывает ком.

— Почему ты так дрожишь? — его голос падает до вибрирующего шепота, а он склоняется еще ниже, почти касаясь носом моих волос. — Боишься, что я окажусь прав? Что этот мир тебе понравится больше, чем твой провонявший потом подвал?

Сжимаю свободную руку в кулак так, что тейп трещит по швам.

Я не боюсь его мира, я боюсь того, что прямо сейчас, запертая между его телом и роялем, я думаю только о том, насколько горячая у него кожа.

Эта животная, неконтролируемая реакция на врага ломает меня изнутри.

— Я дрожу, потому что мне противно находиться с тобой рядом, — выплевываю я слова ему прямо в лицо.

Мы смотрим друг на друга в упор.

Его ноздри едва заметно расширяются, маска превосходства и ледяного спокойствия дает трещину.

В его взгляде проступает что-то дикое, то самое, что он так тщательно прячет за идеальными костюмами и правилами.

Вершинин отпускает мое запястье, но вместо того, чтобы отойти, его ладонь скользит выше.

Его пальцы зарываются в мои спутанные кудри на затылке. Жестко.

Он тянет мою голову назад, заставляя смотреть на него

снизу вверх и воздух в моих легких заканчивается окончательно.

— Противно? — выдыхает он мне прямо в губы.

Расстояние между нами — жалкие миллиметры, я буквально чувствую вкус его дыхания. Ресницы непроизвольно дрожат, если он подастся вперед еще на долю дюйма…

Резкий звук открывающейся двери в конце зала бьет по натянутым нервам хлестче удара плетью.

— Марк! — раздается эхом голос откуда-то с галерки: — Там декораторы приехали, просят оплатить и подписать накладные!

Вершинин замирает.

Его пальцы на моем затылке на секунду сжимаются сильнее, почти до боли, а затем он резко разжимает руку и делает шаг назад.

Холод пустого пространства мгновенно обрушивается на меня, заставляя судорожно вдохнуть.

Принц поправляет манжету рубашки, и ни один мускул на его лице больше не выдает того, что произошло секунду назад.

— Идем, Михеева, — бросает он, даже не глядя на меня.

Спускается по ступеням сцены в проход.

— Твоя работа — носить за мной эту папку. Не отставай.

Я остаюсь стоять у рояля, вцепившись побелевшими пальцами в деревянный край.

Грудная клетка ходит ходуном.

Он играет со мной, дергает за ниточки, проверяя, когда я сломаюсь.

И самое страшное, что я не знаю, сколько еще раундов я выдержу, прежде чем сорвусь.

Глава 10. Яна

Басы бьют по барабанным перепонкам так сильно, что вибрирует грудная клетка.

Закрытый клуб, место, куда не пускают с улицы.

Здесь нет случайных людей, только те, чьи фамилии открывают любые двери.

И я.

В своем изумрудном костюме, который сидит как влитой, но ощущается как клеймо.

Вершинин идет чуть позади.

Его ладонь тяжело ложится мне на поясницу, направляя сквозь толпу к ВИП-зоне. Жар от его пальцев прошибает сквозь шелк майки, оставляя на коже гребаные ожоги.

Я дергаюсь, пытаясь сбросить его руку, но его хватка только становится жестче.

— Не дергайся, — звучит его низкий голос над самым моим ухом, прорезаясь сквозь грохот музыки. — Ты со мной.

Мы поднимаемся по стеклянным ступеням на балкон, возвышающийся над танцполом.

На полукруглых кожаных диванах развалилась элита нашей академии. Дорогой алкоголь, кальяны, брендовые шмотки и скучающие лица.

Как только мы появляемся в зоне видимости, разговоры стихают. Его протеже, Денис вроде, уже изрядно накачанный

чем-то крепким, сидит в центре.

Рядом с ним еще трое парней из студсовета и пара девиц с накачанными губами.

— О-о-о, какие люди! — тянет подопечный Вершинина, салютуя нам стаканом с виски. — Принц явился. И… надо же, свою ручную дикарку привел.

Сжимаю зубы так, что сводит скулы.Тем временем тот самый Принц невозмутимо проходит к свободному краю дивана и садится, утягивая меня за собой.

Я падаю рядом, и его бедро плотно прижимается к моему. Пытаюсь отодвинуться, но с другой стороны — подлокотник.

— Осторожнее, Дэн, — бросает один из парней, пуская кольцо дыма. — Говорят, она кусается.

— Да ладно? — Дэн пьяно усмехается, подаваясь вперед, а его взгляд мажет по мне с откровенным, липким презрением. — А по-моему, Марк ее уже неплохо выдрессировал. Смотри, как сидит, даже не рычит, одежду хоть нормальную надела… Что, Кудрявая, понравилось жить за чужой счет?

Внутри вспыхивает глухая, первобытная ярость, не смотрю на Вершинина, знаю, что он не вмешается.

Ему плевать, напротив ему нравится наблюдать, как я барахтаюсь в этой их грязи.

Медленно беру со стола чей-то нетронутый стакан с ледяной водой, кручу его в затейпированных пальцах.

— Знаешь, Дэн, — мой голос звучит обманчиво ровно, прорезая басы. — Я бы на твоем месте меньше пила, а то у

тебя и так мозгов хватает только на то, чтобы носить за Вершининым его портфель… Растеряешь последние — придется идти работать.

Паралоновые девицы на диване давятся смешками, а лицо Дениса мгновенно наливается багровым цветом.

— Ты, слышь, тварь подвальная…

Только я хочу привстать, уже сжимая кулак, чтобы ответить…

— Следи за тоном, — ледяной голос Вершинина падает на стол, как гильотина.

Он даже не повышает его, но его подручный захлопывает рот с такой скоростью, словно ему дали пощечину.

Принц откидывается на спинку дивана, закидывая руку на спинку прямо за моими плечами.

— Мы здесь отдыхаем, — он делает глоток виски, глядя на свою свиту пустыми, холодными глазами. — Оставьте ее в покое.

— Да ладно тебе, Марк, — встревает второй парень, нервно крутя в руках зажигалку. — Мы же просто шутим, никто не верил, что она реально притащится сюда с тобой.

— Я всегда забираю то, что мне нужно, — ровно отвечает Вершинин.

— Это точно, — Денис криво ухмыляется, не в силах сдержать яд.

Он смотрит на Марка, но слова точно предназначаются мне.

— Ты у нас не проигрываешь, особенно когда ставки такие высокие.

Ставки...

Слово царапает слух, я хмурюсь, переводя взгляд с Дениса на Марка.

Мой зал, точно.

Этот гад с короной наверняка растрепал им, что заставил меня прислуживать ему ради ключей от подвала.

— До Бала меньше месяца, — продолжает пьяный товарищ, и в его глазах пляшет издевательский азарт. — Спорим, она сорвется раньше? Эта дворняжка не вытянет до финала…

— Следи за своим кошельком, Дэн, — Марк усмехается уголком губ, и эта усмешка пропитана таким цинизмом, что меня начинает мутить. — Она вытянет, и придет на Бал, сделает всё, что потребуется. У нее просто нет выбора, так ведь, Михеева?

Он медленно поворачивает голову ко мне; его лицо слишком близко и в его глазах читается неприкрытая власть. Он буквально упивается ею, упивается тем, что держит меня на коротком поводке.

Беспринципные и омерзительные, они обсуждают меня как вещь, как гребаную скаковую лошадь, на которую сделали ставку.

Воздух в клубе внезапно становится слишком плотным.

Он пахнет дорогим алкоголем, дымом и фальшью, а мне

нечем дышать.

Грудная клетка сжимается от боли, которая не имеет ничего общего с физической.

Я могу отбить любой удар на ринге, могу в один удар сломать Денису нос, но я ничего не могу сделать с этим удушливым чувством абсолютного бессилия.

Я продала себя в рабство…и ради чего?

Ради того, чтобы сидеть здесь и слушать, как эти зажравшиеся ублюдки делают ставки на то, когда я сломаюсь?

— Я пойду в туалет, — хрипло выдавливаю я, резко поднимаясь с дивана.

— Не потеряйся, — бросает мне вслед пьяный голос из свиты.

Я не отвечаю.

Разворачиваюсь и почти бегом пробираюсь сквозь толпу, подальше от ВИП-зоны, подальше от ледяных глаз и его ядовитой жизни.

Мне нужен воздух, нужно вспомнить, кто я такая, пока этот мир окончательно не сожрал меня заживо.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.